

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

ПРОЙДОХА КУГЕЛЬ

КУГЕЛЬ И НЕБОРАЗРЫВНЫЙ
БРЫЗГОСВЕТ

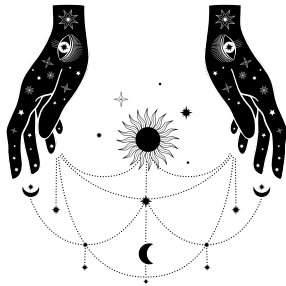
РИАЛЬТО ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ

Jack Vance

MAZIRIAN THE MAGICIAN

CUGEL THE CLEVER

Джек Вэнс

СКАЗАНИЯ
УМИРАЮЩЕЙ
ЗЕМЛИ

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН
ПРОЙДОХА КУГЕЛЬ

fanzon

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В97

Jack Vance

MAZIRIAN THE MAGICIAN

Copyright © 1950, 2002 by Jack Vance

CUGEL THE CLEVER

Copyright © 1966, 2005 by Jack Vance

Перевод книги выполнен по окончательному варианту текста произведений и одобрен семьей автора.

Художественное оформление серии *Куликовой Елены*

Вэнс, Джек.

В97 Сказания Умирающей Земли. Волшебник Мазериан; Пройдоха Кугель / Джек Вэнс ; [перевод с английского А. Фета]. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-168429-7

Классик жанра, грандмастер «Небьюлы», Джек Вэнс своим творчеством во многом определил, какими будут фантастика и фэнтези. Его цикл «Умирающая Земля» — захватывающая история о путешественниках, плутах и эксцентричных волшебниках, чьи приключения происходят на фантазмагорических просторах Земли будущего под умирающим алым гигантом по имени Солнце.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-168429-7

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2017 г.
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ВОЛШЕБНИК
МАЗИРИАН

Умирающая Земля

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

Погрузившись в глубокое раздумье, волшебник Мазериан бродил по своему саду. Ветви, усеянные всевозможными опьяняющими фруктами, протягивались над его головой, цветы подобострастно кланялись, когда он проходил мимо. Высунувшись на вершок из грядки, глазки мандрагор, тусклые, как агаты, следили за поступью его мягких черных туфель. Таков был сад Мазериана — три террасы, покрытые странной и чудесной растительностью. Клумбы переливались радужными бликами, роскошные соцветия пульсировали, как морские анемоны — пурпурные, зеленые, сиреневые, розовые, желтые. Деревья, напоминавшие перистые зонты, создавали пеструю тень; другие подмигивали листвой, блестящей, как металлическая фольга, причем каждый отдельный лист отливал оттенком того или иного металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Здесь пучки светящихся пузырьков осторожно пробивались среди гляцевых темно-зеленых листьев, там куст красовался сотнями трубчатых соцветий, тихо насвистывавших мелодии древней Земли, каждое по-своему — музыку, навевавшую воспоминания о рубиновых солнечных лучах, о родниковой воде, сочившейся в черноземе, о ленивых дуновениях ветерка. А за плотной зеленой изгородью таинственной стеной

вырастали высокие стволы темного леса. В эти последние дни земного бытия никто уже не мог указать с уверенностью местонахождение всех окружающих лощин и лужаек, ложбин и омутов, укромных прогалин, полуразрушенных павильонов, выгоревших на солнце парковых «капризов», оврагов и пригорков, ручьев, заводей и прудов, лугов, рощ, перелесков и скальных обнажений.

Нахмурившись и заложив руки за спину, Мазириан продолжал задумчиво бродить туда-сюда по волшебному саду. Некая особа возбуждала в нем замешательство, сомнения и пламенную страсть: женщина, обитавшая в лесу, — привлекательнейшее существо! Она насмешливо подъезжала к ограде на черном коне, глаза которого сверкали, как золотистые кристаллы, однако всегда держалась настороже. Мазириан неоднократно пытался ее поймать, но каждый раз наездница ускользала — все его обольщения, угрозы и ухищрения были напрасны.

По саду разнесся вопль смертельного ужаса. Ускорив шаги, Мазириан обнаружил крота, грызущего стебель животного-растительного гибрида. Волшебник убил вредителя; вопли почти затихли, превратившись в глухие задыхающиеся стоны. Мазириан погладил ворсистый лист, и красный зев гибрида зашипел от удовольствия.

После этого растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к...» Мазириан нагнулся, поднял грызуна за хвост и поднес его к красному зеву. Зев проглотил тельце вредителя, скользнувшее в подземный желудочный пузырь. Из глотки растения послышались булькающие звуки, последовала отрыжка; Мазириан с удовлетворением наблюдал за происходящим.

Солнце уже спускалось к горизонту — настолько потускневшее и покрасневшее, что в зените уже можно было видеть звезды. И теперь Мазириан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Скорее всего, это была та самая женщина из леса — она и раньше нарушала его покой таким же

образом. Волшебник стоял не шевелясь, пытаясь уловить, откуда исходил ее взгляд.

Мазириан выкрикнул заклинание, вызывавшее оцепенение. Животно-растительный гибрид у него за спиной стал жестким и неподвижным; неподалеку мягко упал на землю огромный зеленый мотыль. Волшебник быстро развернулся на каблуках. Вот она, на краю леса! Ближе, чем когда-либо! Пока он приближался, женщина не двигалась. Молодые глаза старца Мазириана сверкнули. Он заключит ее в своей усадьбе, в каземате из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем и холодом, болью и наслаждением. Она будет подавать ему вино и принимать восемнадцать поз обольщения при желтом свете мерцающих лампад. Возможно, ее подослали следить за ним — в таком случае Мазириану следовало немедленно выяснить всю подноготную, ибо никого на древней Земле он не мог назвать своим другом и ему приходилось непрерывно охранять свой сад.

Незнакомка была всего лишь в двадцати шагах... но тут же послышался глухой топот черных копыт: наездница развернула коня и ускакала в лес.

Волшебник в ярости сбросил на землю свой плащ. Ее что-то защищало — противозаклятие или охранная руна, — причем она неизменно появлялась именно тогда, когда Мазириан был меньше всего готов к преследованию. Чародей вглядывался в сумрачные глубины леса: вот ее бледный силуэт появился на фоне багровеющих закатных лучей, вот он погрузился в черную тень — наездница исчезла... Кто она — ведьма? Приезжала ли она по своей прихоти или — что гораздо вероятнее — посылал ли ее враг, чтобы мучить его тревожными опасениями? Если так, кто повелевал назойливой посетительницей? Это мог быть принц Кандив Златокудрый из Кайина, у которого Мазириан выпытал секрет омоложения. Это мог быть Азван-астроном. Или Турджан? Вряд ли Турджан. Лицо Мазириана озарилось приятным

воспоминанием... Но он отбросил эту мысль. По меньшей мере он мог проверить, не замешан ли тут Азван. Волшебник направился в лабораторию и подошел к столу, на котором покоился прозрачный хрустальный куб, окруженный дрожащим красным и синим ореолом. Мазириан достал из шкафа бронзовый гонг и серебряный молоток. Постучав по гонгу молотком, он извлек из него мягкий гулкой звон, разнесшийся по лаборатории и за ее пределы, по всему саду и дальше. Он ударил в гонг еще и еще раз. Внезапно в хрустальном кубе появилось лицо Азвана, искаженное болью и непритворным ужасом.

— Пощади, Мазириан! — взмолился Азван. — Не бей по резонатору моей жизни!

Рука Мазириана, замахнувшаяся молотком, задержалась:

— Ты шпионишь за мной, Азван? Подсылаешь ко мне ведьму, чтобы она похитила гонг?

— Не я, маэстро, не я! Мне слишком дорога жизнь!

— Ты должен доставить ко мне эту женщину, Азван! Это приказ!

— Невозможно, маэстро! Я даже не знаю, кто она и каковы ее побуждения!

Мазириан притворился, что вот-вот снова ударит по гонгу. Но Азван разразился настолько исступленным потоком просьб и заверений, что Мазириан с отвращением опустил молоток и спрятал магический гонг в шкафу. Лицо Азвана постепенно растворилось в прозрачной глубине приемника, и вскоре переливчатый хрустальный куб на столе стал таким же, как прежде.

Мазириан поглаживал подбородок. По всей видимости, ему надлежало поймать девушку самостоятельно. Позже, когда черная ночь окутает лесную чащу, он найдет в своих книгах заклинания, позволявшие безопасно и незаметно передвигаться по лесным прогалинам, где его подстерегали

непредсказуемые опасности. Следовало выбрать мучительные, глубоко проникающие формулы, сначала приводящие обычного человека в замешательство, а затем вызывающие безумие. Благодаря усердным упражнениям Мазириан мог запомнить до четырех самых грозных заклинаний одновременно — или не больше шести не столь губительных.

Отложив на время этот проект, волшебник подошел к продолговатому растильному чану, ярко озаренному зеленым светом. Под поверхностью прозрачной жидкости покоилось тело мужчины, в зеленом зареве производившее пугающе призрачное впечатление, но отличавшееся прекрасным сложением. Широкоплечее и узкое в бедрах, тело обладало длинными мускулистыми ногами со слегка изогнутыми ступнями, скуластое лицо сохраняло безмятежно-суровое выражение, голову окружали пыльно-золотистые кудри.

Мазириан внимательно разглядывал существо, выращенное из единственной клетки. Творению не хватало только одного — разума, но волшебник не знал, как вселить в него разум. Этот секрет был известен Турджану из Миира, а Турджан — Мазириан мрачно прищурился, взглянув на люк, закрывавший отверстие в полу, — упрямо отказывался раскрыть свою тайну.

Мазириан вернулся к задумчивому созерцанию тела, лежавшего в чане. Неужели нельзя было придать этой идеальной фигуре правильно организованный, послушный мозг? Что ж, попытка не пытка. Волшебник включил устройство, откачивавшее жидкость из чана, и вскоре обнаженное тело лежало, поблескивая влажной кожей, ничем не защищенное от ярко-зеленых лучей. Мазириан впрыснул в шею существа каплю заранее приготовленного препарата. Тело вздрогнуло. Глаза открылись, но тут же зажмурились, ослепленные зеленым заревом. Мазириан повернул в сторону рефлектор излучателя.

Существо в чане слегка пошевелило руками и ногами — неуверенно, словно не понимая, как пользоваться конечностями. Мазириан напряженно наблюдал за происходящим: возможно, ему так-таки удалось найти подходящий рецепт синтеза мозга?

— Сядь! — скомандовал Мазириан.

Существо сосредоточило глаза на лице волшебника — в нем явно пробуждались естественные мышечные рефлексы. Совершенно неожиданно оно с гортанным ревом выскочило из чана и схватило Мазириана за горло. Мазириан, человек здоровый и сильный, пытался вырваться, но мускулистая bestия болтала его в воздухе как тряпичную куклу.

Несмотря на все его чары, Мазириан был беспомощен. Он уже истратил цепенящее заклинание и в данный момент не помнил никакого другого. В любом случае он не смог бы произнести какую-либо многосложную формулу, искажающую пространство-время — ему стиснула горло бешеная хватка.

Отступая, волшебник нащупал рукой горлышко свинцовой бутылки. Размахнувшись, он огрел существо бутылкой по голове — ожившее тело пошатнулось и распласталось на полу.

Не слишком огорченный результатом эксперимента, Мазириан разглядывал лежавшую у него под ногами влажную фигуру. Существо продемонстрировало успешную координацию функций спинного мозга. Мазириан присел за стол и приготовил белую смесь. Приподняв златокудрую голову своего создания, он влил ему в рот это зелье. Существо ожило, открыло глаза, приподнялось на локтях. Безумие покинуло его, но волшебник напрасно искал в нем признаки сознания. Редко мигавшие глаза существа оставались пустыми, как у ящерицы.

Мазириан раздраженно покачал головой. Он подошел к окну — мрачный силуэт наклонившего голову волшеб-

ника выделялся четкой черной тенью на фоне овального стекла... Снова допросить Турджана? Турджан не выдал свой секрет даже под самой изощренной пыткой. Тонкие губы Мазириана иронически покривились. Может быть, если прибавить еще один поворот...

Солнце уже зашло, волшебный сад Мазириана погрузился в сумерки. Раскрылись ночные белые цветы, и заключенные в них серые мотыльки выпорхнули, перелетая с одной клумбы на другую. Мазириан распахнул люк в полу лаборатории и стал спускаться по лестнице — ниже, ниже, еще ниже... Наконец он повернул под прямым углом направо в коридор, освещенный желтым пламенем вечных светильников. За спиной остались его пещерные грибные грядки, справа в стене была устроена крепкая дубовая дверь, окованная чугуном и запертая на три замка. Впереди скрывались во мраке каменные ступени, ведущие дальше вниз.

Мазириан открыл три замка и распахнул дверь настежь. В помещении за дверью ничего не было, кроме каменного пьедестала с установленной на нем застекленной сверху квадратной коробкой примерно метровой ширины и высотой сантиметров двенадцать. В коробке — по сути дела, в устроенном вдоль ее стенок проходе с четырьмя поворотами по углам — двигались две небольшие фигурки: преследователя и преследуемого. Хищником был маленький дракончик с яростно горящими красными глазами и отвратительной клыкастой пастью. Косолапый и шестиногий, он вперевалку ковылял по проходу, подергивая хвостом. Жертвой был человечек в два раза меньше дракона — обнаженный, с решительным лицом и длинными черными волосами, стянутыми медным обручем. Лилипут бежал чуть быстрее преследователя, неустанно продолжавшего погоню и применявшего кое-какие уловки: время от времени дракончик уставал от попыток дотянуться до человечка зубами, поворачивал назад и прятался за углом — на тот случай, если

человечек не обернется вовремя и неосторожно забежит за угол. Но лилипут, бдительно следивший за поведением дракончика, все время умудрялся избегать зубов преследователя. Человечком был Турджан, которого Мазирин, применив несколько подлых трюков, пленил две недели тому назад, уменьшил в размерах и заключил в застекленную коробку.

Мазирин с удовольствием наблюдал за тем, как рептилия прытко бросалась на человека, как только тот останавливался, чтобы перевести дыхание, — но человек каждый раз успевал оставаться за пределами досягаемости. Мазирин подумал, что пора было дать обоим передохнуть и накормить их. Он опустил панели, перегородившие квадратный проход по углам и разделившие его на две половины: в одной остался человек, в другой — дракон. Поставив каждому по наперстку с водой, он подбросил им по кусочку мяса.

Турджан тут же опустился на дно коробки, прислонившись спиной к стенке.

— Ага! — сказал Мазирин. — Ты устал? Хочешь отдохнуть?

Турджан закрыл глаза и молчал. Ход времени и весь мир уже не имели для него никакого значения. Единственной реальностью были серый коридор и бесконечное бегство. Иногда, не слишком регулярно, его кормили и позволяли несколько часов подремать.

— Вспомни о синем небе, — говорил Мазирин, — о серебряных звездах, о твоём замке Миир над рекой Дерной, подумай о том, как хорошо и вольно гулять по лугам!

Мышцы вокруг рта Турджана чуть дрогнули.

— Ты мог бы раздавить дракона каблуком — подумай только!

Турджан поднял голову:

— Я предпочел бы свернуть шею тебе, Мазирин.

Мазирин ухом не повел:

— Расскажи, как ты прививаешь разум существам, выращенным в чанах. И я выпущу тебя на свободу.

Турджан рассмеялся — смехом сумасшедшего:

— Рассказать тебе? И что дальше? Сразу после этого ты сваришь меня в кипящем масле!

Уголки тонких губ Мазириана капризно опустились:

— Негодяй, я знаю, как заставить тебя говорить! Ты все расскажешь, даже если твой рот будет набит ватой и воском, а потом заклеен! Завтра я обнажу нерв в твоей руке и проведу по нему наждачной тканью!

Маленький Турджан, вытянув ноги поперек прохода в коробке,пил воду и молчал.

— Сегодня ночью, — произнес Мазириан нарочито зловещим тоном, — я добавлю еще один угол. Теперь тебе придется бегать по пятиугольнику.

Турджан отвлекся от наперстка с водой и взглянул наверх, на врага, склонившегося над стеклянной крышкой, после чего снова стал прихлебывать воду. В пятиугольном проходе оставалось бы меньше времени на то, чтобы заметить появившееся из-за поворота чудовище и начать от него убегать.

— Завтра, — продолжал Мазириан, — тебе потребуется все твое проворство. — Волшебнику пришла в голову новая мысль: — Но даже от этого испытания я тебя избавлю, если ты поможешь мне решить одну проблему.

— В чем состоит твое затруднение, чокнутый чародей?

— Меня преследует наваждение в образе женщины. Я хотел бы ее поймать! — Одна мысль о такой возможности заставила затуманиться глаза волшебника. — По вечерам она приезжает к ограде моего сада на огромном черном коне — ты ее знаешь, Турджан?

— Нет, понятия не имею. — Турджан продолжал понемногу прихлебывать воду.

Мазириан продолжал: